

Глава 16

Линь Ци в очередной раз отверг предложение Системы изучить сомнительные материалы.

— Я намерен растопить его сердце любовью.

«Так это и есть любовь, — парировала Система. — Динамическое, конкретное, прикладное взаимодействие».

— Я говорю об абстрактной любви.

«Ты ведь в курсе, что в геноме вашего лидера синтетов есть гены слона?»

Линь Ци отозвался с благоговением в голосе:

— Конечно. Я слышал, в нём собраны гены всех известных существ.

Тот синтет действительно был живой легендой — пугающе могущественным существом, чья ментальная сила была способна пробудить к жизни мёртвую планету. Линь Ци, созданный как обычный домашний помощник, не мог даже вообразить себе подобную мощь.

«Вот именно. Это и есть "аб-страктная" любовь. Поверь мне, поучись».

Линь Ци промолчал.

«Ему вдруг показалось, что его чистые помыслы только что подверглись изощрённому осквернению»

Впрочем, благодаря настойчивой рекламе Системы, его печаль немного поутихла. В самом деле, разве не в этом заключалась его задача — наставить Ду Чэнъина на путь истинный с помощью добрых чувств? Какая разница, что придётся пережить расставание и боль?

— Линь Ци, неужели ты забыл, ради чего всё это начиналось?! — прошептал он сам себе.

Как единственный синтет, сумевший пройти тест на должность координатора, он не имел права позорить своих предшественников. Линь Ци глубоко вздохнул, решительно поднялся и, преисполнившись энтузиазма, воскликнул:

— Система, где Ду Чэнъин? Я иду к нему.

Несмотря на долгие колебания, стоило этому парню принять решение, как он становился на удивление деятельным. Система одобрительно «прохрустела» кодом и весело отозвалась:

«Ударь себя ножом, и он тут же явится».

Линь Ци замер.

«Что, больно? Да ты несильно, так, для вида. Чисто символически»

— Если ты не знаешь, где он, так и скажи.

«Не ценишь ты моей заботы. Хм. Думаешь, мне так интересно смотреть вашу с Ду Чэнъином мелодраму? Пойду лучше шоу гляну».

Линь Ци вновь промолчал.

«Эта Система оставалась верна себе: всегда на передовой лени и безделья»

Хотя тело его и было репликой, созданной Альянсом, боль от ранения была бы вполне реальной. Линь Ци был обычным человеком и, конечно, бояться боли для него было естественно. Идея с ножом казалась безумием.

В лесу царил мёртвая тишина. Сяо Мо и Вань Чжужэна, должно быть, ещё не было. Ему стало неловко: договорились ведь отправиться в Хуаюань на битву с демонами, а в итоге они лишь потоптались у подножия горы, и Ду Чэнъин из-за него получил столько ран.

Линь Ци вздохнул, вновь вспоминая Совершенного Мастера Баошу, который и нанёс те удары. Честно говоря, теперь он и сам начал сомневаться. Выражение лица Баошу, когда тот попирал ногой демона и смотрел на Ду Чэнъина, было смесью ярости, разочарования и абсолютного недоверия.

Это совсем не походило на взгляд злодея.

Вспоминая странные поступки наставника, Линь Ци пришёл к логичному выводу: Баошу лишь притворялся врагом.

Как только эмоциональный хаос утих, разум Линь Ци вновь обрёл ясность. Он вспомнил, как выпустил Усю и духовных бабочек — реакция Баошу отличалась от реакции других мастеров. Тот будто был потрясён тем, что водяного цилиня вывел именно Линь Ци.

«Совершенный Мастер Баошу — провидец», — к такому заключению пришёл он после

недолгих размышлений.

Вероятно, наставник давно знал о роли Ду Чэнъина как спасителя мира, а потому всячески испытывал его. В прошлой жизни Ду действительно настрадался под его началом, его тело вечно было покрыто шрамами. Но если вдуматься, после каждого ранения юноша становился лишь сильнее. Получалось, Баошу играл роль того, кто подталкивает героя к росту.

Ярость наставника в тот день была вызвана каким-то открытием.

Линь Ци никогда не переставал подозревать Ду Чэнъина — всё-таки стопроцентный уровень озлобления и сюжет о падении во тьму говорили сами за себя. Стоило появиться демону, как он невольно связывал это с Ду.

Теперь Линь Ци искренне жалел, что задал тот вопрос. Ду Чэнъин ведь обещал, что никогда не причинит ему вреда... а он не поверил.

Солнце грело землю, но без спутника рядом мир казался пустым. Линь Ци, окончательно лишившись сил, повалился на спину прямо на землю.

Мягкая, влажная почва напомнила ему об ощущениях в забытии. Безопасно, но так одиноко.

Пик Совершенного Мастера Баошу

Впрочем, Линь Ци горевал недолго. Поднявшись, он тайком прокрался на пик Совершенного Мастера Баошу.

Он знал эти места как свои пять пальцев, но, поднявшись выше, обнаружил, что на горе нет ни души. Ни людей, ни животных — лишь зловещее безмолвие. Это было дурным знаком.

Ученики могли уйти на охоту за демонами, но гора не должна была выглядеть столь безжизненной. На пике Совершенного Мастера Саньюэ всё было иначе. Предчувствуя неладное, Линь Ци быстрым шагом вошёл в главный зал обители Баошу.

Тот вёл аскетичный образ жизни: в зале рядами стояли лишь шкафы с травами и печи для выплавки пилюль. Линь Ци заглянул в одну из них и обнаружил, что огонь в ней погас. Эликсиры, которые должны были сиять духовным светом, потускнели и источали неприятный запах.

Линь Ци медленно закрыл крышку. Руки его слегка дрожали. Он огляделся: пелена смерти и запустения накрыла этот простой зал серым саваном.

Гора умирала.

Неужели с наставником Баошу случилось несчастье?

Несмотря на неприязнь к Баошу, Линь Ци тут же подумал о Ду Чэнъине. Убийство отца — тяжкое преступление, караемое небесами!

Он бросился вон.

Пик Совершенной Мастерницы Юаньюй

Земли Совершенной Мастерницы Юаньюй находились ближе всего, и он поспешил туда. Линь Ци не обладал выдающимися способностями, и этот путь окончательно измотал его. Но то, что он увидел, поразило его ещё сильнее: пик Юаньюй был охвачен таким же серым тленом.

Стоя в гуще леса, юноша в ужасе поднял голову. Листья осыпались сплошным потоком, точно шёл дождь. Ещё мгновение назад ярко-зелёные, коснувшись земли, они превращались в сухую, пожухлую солому.

Линь Ци замер, не в силах поверить своим глазам. Жизненная сила мира уходила, точно отлив.

[Поздравляю, уничтожение мира началось]

— Это и есть конец света?

[Ага. Похоже, главный герой перехотел жить. В прошлой жизни было так же, но на этот раз процесс идёт мягче. Думаю, это затянется. Пока ты жив, он не решится уйти окончательно — всё-таки он оставил тебе этот клочок земли]

— Как же так...

Он и представить не мог, что один его вопрос лишит Ду Чэнъина воли к жизни.

На самом деле он не сомневался... он просто хотел, чтобы Ду сам сказал правду. Тогда Линь Ци смог бы убедить себя, что ради человека, который открыл ему сердце, он готов пойти на всё — даже на трагический финал.

[Стопроцентный уровень симпатии и озлобления означает, что в этом мире только ты имеешь значение, — бесстрастно констатировала Система. — То, что происходит сейчас — цена твоего

недоверия]

Цифра «сто процентов» для Линь Ци была лишь абстракцией. Не имея друзей в реальности, он не понимал, какой огромный вес стоит за этим значением.

Обычного подозрения оказалось достаточно, чтобы обрушить мир Ду Чэнъина.

Линь Ци взглянул на свои ладони и медленно выдохнул. Из пространственной сумки он достал длинный меч — один из многочисленных даров Ду Чэнъина, оставленный для самообороны.

Что ж, боль — это не так уж страшно.

«Только в почку не тыкай, — заботливо посоветовала Система. — Руби ногу: крови много, эффект отличный, а помирать не помрёшь»

Он невольно задумался: откуда у Системы такой богатый опыт в подобных делах?

Несмотря на лень и скверный характер, Система оказалась права. Его колебания и попытки сбежать лишь толкали задание в пропасть. Линь Ци приподнял подол халата, выставил левую ногу и начал примериваться мечом.

«Так не пойдёт. Там артерия. Хлестать будет как из фонтана, никакой эстетики»

— Ой, — послушно отозвался Линь Ци.

Остриё меча сместилось чуть выше.

«Ты с ума сошёл? Если полоснёшь по бедру, как потом задания выполнять будешь?»

— Тогда куда?

«Голень. В икру меть. И не сильно, чтобы за пару дней зажило. Нам расслаживаться некогда»

Линь Ци стоял на одной ноге, слегка покачиваясь. Правой рукой он упёрся в ствол дерева, присел, закинул левую стопу на правое колено и неуклюже наставил меч на голень.

Система с трудом взирала на этот позор. Таких нелепых попыток самоувечья она ещё не видела.

Линь Ци зажмурился и с силой ткнул мечом вниз. Ожидаемой боли не последовало, но в нос

ударил резкий запах крови.

Он открыл глаза. Лезвие меча было зажато в ладони Ду Чэнъина. На его прекрасном лице застыл гнев.

— Что ты творишь?!

Линь Ци в оцепенении выпустил рукоять, потерял равновесие и начал падать. Окровавленная рука Ду мгновенно отшвырнула меч и подхватила его. Ладонь, с которой стекала алая кровь, легла Линь Ци на талию.

— Ты взял в руки меч... — Ду Чэнъин тяжело дышал, — зачем?!

— Я... — юноша на мгновение растерялся.

Взгляд его упал на пятна крови на своих одеждах, и он попытался оттолкнуть Ду. Тот едва не сорвался в бездну отчаяния, но в следующее мгновение Линь Ци сам крепко вцепился в его раненую ладонь.

— Зачем ты схватил лезвие голыми руками?! — вскричал он.

От падения в пропасть до спасения — всего один шаг, одно слово. Ду Чэнъин всем сердцем желал держаться подальше, но всё равно невольно оставил частицу своей души рядом с Линь Ци, следя за каждым его шагом. Стоило Линь Ци оказаться в опасности, как тело Ду сработало быстрее мысли. Глядя на встревоженное лицо юноши, Ду не почувствовал облегчения. Он высвободил руку и холодно бросил:

— Обычное притворство. Чтобы ты, брат, смягчился.

Услышав эти полные горечи слова, Линь Ци болезненно поморщился.

— Прости меня, — тихо произнёс он.

Ду Чэнъин стоял, опустив руки. Кровь мерно капала на землю. Вся боль и всё отчаяние мгновенно испарились после этих слов.

— Я знаю... ты никогда не причинишь мне вреда...

Линь Ци не успел договорить — его прервал крепкий, почти сокрушительный порыв. Ду Чэнъин прижал его к себе, положив раненую ладонь ему на плечо. Запах крови был совсем рядом. Высокий, могучий мужчина уткнулся лицом в плечо Линь Ци. Он чувствовал, как их

сердца бьются в унисон сквозь тесный контакт тел. Линь Ци осторожно погладил его по спине.

— Мне правда очень жаль...

— Довольно, — хрипло отозвался Ду. — Достаточно одного раза. Ты мне ничем не обязан.

Они долго стояли так, обнявшись посреди леса. Множество невысказанных слов застряли в трещинах между их прошлым и настоящим, но сейчас в них не было нужды. Наконец Линь Ци нарушил тишину, мягко отстранив Ду Чэнъина.

— Брат, дай я посмотрю на твои раны.

Ду отпустил его, сжал окровавленную ладонь в кулак и безразлично бросил:

— Пустяки.

— Не только на руке. Я о тех ранах, что на теле, — с тревогой настаивал Линь Ци.

Ду убрал руки за спину. Его дыхание на миг замерло.

— Мои раны заживают очень быстро. Это неважно.

«Это было его проклятие и дар небес — тело, которое невозможно было сокрушить или уничтожить. Лишь адское пламя могло испепелить его окончательно, положив конец этой судьбе»

— Это другое дело. Давай сначала перевяжем руку.

Линь Ци снова взял ладонь Ду Чэнъина, но увиденное заставило его замереть в изумлении. Глубокий порез на ладони уже затянулся, оставив лишь засохшие пятна крови.

Юноша оцепенел, а затем резко вскинул голову, глядя на Ду. Тот отвёл взгляд. Он знал, что Линь Ци хочет спросить, но не желал отвечать.

При такой невероятной способности к исцелению... как Ду Чэнъин позволял Линь Ци раз за разом обрабатывать его раны? Стоило Линь Ци об этом подумать, как ответ пришёл сам собой.

— Зачем всё это? — медленно спросил он.

Ду Чэнъин посмотрел на свою ладонь. Он и сам задавал себе этот вопрос. Он обладал духовным

семенем, великим могуществом и легендарным зверем Уся. В его руках была сила, способная уничтожить мир, но тот покрытый шрамами, никчёмный Ду Чэнъин из прошлого ни на миг не покидал его, скрываясь за спиной, точно несмываемая тень.

Ду перехватил руку Линь Ци, его губы тронула горькая, самоироничная усмешка.

— Потому что я недостойн, — прошептал он. — Я полюбил того, кто бесконечно далёк от меня. Настолько, что сколько бы сил я ни прилагал, мне кажется, я никогда не смогу тебя догнать.

Переродившись, он предстал перед Линь Ци в лучшем свете, осыпал его сокровищами, делал всё, чтобы тот был счастлив... Но ничего не помогало.

Кровь запачкала чистую, мягкую ладонь юноши. Ду Чэнъин прижал руку Линь Ци к своему лицу.

— На самом деле... мне следовало бы звать тебя братом.

И Ду Чэнъин поведал ему всё о своём перерождении.

— Когда ты ушёл, я пытался найти тебя... — Ду закрыл глаза. Его лицо было полно невыносимой скорби. Тот забитый, потерянный человек, над которым все издевались, лишился единственного света в своей жизни. Тёплая влага коснулась ладони Линь Ци. — Но я не смог.

— Прости меня, — Линь Ци больше не мог сдерживать слёз.

Он крепко обнял Ду Чэнъина, признавая свою вину. Он действительно совершил ошибку: никогда не задумывался о чувствах Ду. Никогда. Ушёл, не оглядываясь и не чувствуя раскаяния.

— Ду Чэнъин, прости.

— Брат... — сбросив оболочку спасителя мира, тот израненный смертный вновь предстал перед ним, выплакивая на плече Линь Ци слёзы, копившиеся две жизни. — Не покидай меня...

Сердце Линь Ци пронзила острая боль. Он лишь сильнее сжал пальцы на плечах Ду Чэнъина.

— Хорошо.

Листопад замедлился, дыхание смерти понемногу отступало. Они смотрели друг другу в покрасневшие глаза. Жёлтый лист упал на волосы Линь Ци, и Ду бережно смахнул его, не отрывая взгляды от лица юноши. Впервые он увидел в глазах Линь Ци своё отражение. Себя —

жалкого и слабого.

Ду Чэнъин медленно склонился к нему. Он оставил Линь Ци достаточно времени, чтобы тот мог отстраниться. Если бы Линь Ци уклонился, Ду всё равно был бы благодарен за то, что тот остался рядом. Но юноша замер. Когда лицо Ду оказалось совсем близко, Линь Ци едва заметно приподнял подбородок. Этого мимолётного движения было достаточно — губы Ду Чэнъина дрогнули. Он был счастлив. Впервые он целовал Линь Ци, и на его лице была улыбка.

Касание было мимолётным и нежным. Ду не стал задерживаться, боясь спугнуть это тепло. Он прижался своим лбом ко лбу Линь Ци.

— Брат, кажется, я вижу сон.

— Если это сон, — прошептал Линь Ци, — давай досмотрим его до конца.

Когда Линь Ци сам потянулся к нему и поцеловал, Ду Чэнъина захлестнула такая безумная, почти нереальная радость, что он замер, не смея ответить. Юноша же не был столь сдержан. Его переполняла решимость сжечь за собой мосты, и в итоге Ду Чэнъин был совершенно ошарашен напором своего брата.

Закончив, Линь Ци шмыгнул носом. Ему стало гораздо легче: все сомнения и терзания исчезли, сменившись удивительной ясностью. Увидев, что Ду стоит весь пунцовый и онемевший, Линь Ци шутливо ущипнул его за подбородок.

— Это мой первый поцелуй.

— ...Спасибо, брат, — выдавил ошарашенный Ду.

— Не за что.

«Плевать на всё, — подумал Линь Ци. — Мир рушится, какая теперь разница»

Он взял Ду Чэнъина за руку и огляделся. Заметив изменения в лесу, он вдруг вспомнил о главном.

— Ты ведь не убил Совершенного Мастера Баошу?! — в тревоге спросил он.

— Нет, — Ду сейчас напоминал огромного, ласкового пса. — Он не мой отец. Он лишь исполнял волю предков, закаляя меня. Я ранил его и запер.

Линь Ци с облегчением выдохнул.

— Он причинил тебе столько боли, так что ты имел полное право его проучить.

Внезапно в душе Ду Чэнъина проснулось милосердие.

— Наверное, стоит его отпустить.

— Если не хочешь, не надо, — подмигнул Линь Ци.

— В этом нет смысла, — откашлялся Ду. — Только бабочек зря тратить на охрану.

В этот момент в ушах Линь Ци громом отозвался голос Системы:

[Уровень озлобления цели обнулён]

Глаза юноши расширились от шока... И всё? Так просто?

Система лишь хмыкнула:

«Слушался бы меня раньше, не было бы столько проблем»

Ду Чэнъин переплёл свои пальцы с пальцами Линь Ци.

— Брат, хочешь навестить его со мной?

В каком-то смысле наставник Баошу стал их сватом. Когда Линь Ци увидел, где Ду запер наставника, он осознал, какая бездна коварства скрывается в натуре этого человека. Совершенный Мастер Баошу, лежащий в курятнике, полностью утратил свой величественный вид. Его красивое, мрачное лицо было усыпано куриными перьями, а даже духовные бабочки безглаголиво держались в стороне.

— Время поджимало, — оправдывался Ду Чэнъин. — Больше некуда было его пристроить.

Линь Ци без тени сочувствия взглянул на наставника.

— Что ж, он сам выбрал этот путь. Плевать.

Очистившийся от скверны Ду Чэнъин стал на редкость покладистым.

— Каждый из нас — лишь пешка в руках Небесного Дао. Даже обладая великим могуществом,

он не властен над многим.

Ду вспомнил, как обыскал всё подземное царство, но так и не нашёл Линь Ци. Он крепче сжал руку юноши и отозвал бабочек.

— Он очнётся через четверть часа. Будем ждать?

— Зачем? — Линь Ци повернулся к Ду и, заметив тень обиды на его лице, невольно рассмеялся.
— Я больше не сомневаюсь в тебе.

Переродившийся Ду Чэнъин на самом деле никому не причинил вреда. Линь Ци легонько качнул их сцепленные руки.

— Пойдём.

— Куда? — Ду всё ещё пребывал в блаженном оцепенении.

— Жить той жизнью, о которой ты говорил. Встречать рассветы и провожать закаты. Самой простой жизнью.

Лицо Ду дрогнуло.

— Ты... ты всё помнишь.

— На самом деле, мне тоже такая жизнь по душе, — улыбнулся Линь Ци.

Он не лгал. Его идеалом было просто ходить на работу и иметь возможность погладить по пути личную кошку... Внезапно он вспомнил о питомце.

— А где Уся?

Ду Чэнъин на мгновение замолчал, а затем с самым невозмутимым видом ответил:

— Убежал куда-то. Видимо, период гона начался.

— У цилиней бывает гон? — удивился Линь Ци. — И что теперь делать? В мире есть второй такой зверь?

— Это дела звериные, не стоит беспокоиться, — Ду покосился на спящего Баошу и сменил тему. — Уходим скорее, мастер вот-вот проснётся.

Рыбацкая деревня

Решив покончить с прошлым, они не стали возвращаться на гору Лунной Росы. В Хуаюань идти тоже не стоило. Родина Ду Чэнъина была маленькой рыбацкой деревушкой. И хотя воспоминания о ней были горькими, это место находилось далеко от мира совершенствующихся. Они тайно прибыли на берег, не потревожив местных жителей.

Деревня состояла из разбросанных в беспорядке хижин. Жёлтая морская вода омывала грубый песок, а солоноватый бриз приносил ощущение покоя и свободы. Чуть поодаль от берега стояла ветхая лачуга — от неё остался лишь один остов.

— Здесь я когда-то жил, — спокойно произнёс Ду Чэнъин.

О прошлом Ду Линь Ци знал лишь четыре слова: «перенёс множество страданий». Но сейчас, держа спутника за руку, он чувствовал всё иначе. Юноша легонько сжал его пальцы.

— Если тебе больно здесь находиться, давай выберем другое место.

— Нет, мне не больно, — улыбнулся Ду, и улыбка его была искренней. — Подожди здесь, я приберусь.

До встречи с Линь Ци его жизнь была лишена красок. Он не знал ни радости, ни горя — просто существовал, бесцельно блуждая во тьме.

— Давай вместе, — улыбнулся Линь Ци.

Морской ветер трепал его волосы, и в его прищуренных глазах было такое умиротворение, какого Ду Чэнъин никогда прежде не видел. Ему показалось, что Линь Ци стал к нему ещё ближе. Когда Ду внезапно наклонился к нему, тот инстинктивно закрыл глаза. Щёку обожгло теплом — мягкое касание было мимолётным. Линь Ци открыл глаза и встретил смеющийся взгляд Ду. Сами того не замечая, они снова стояли и глупо улыбались друг другу.

Тихие волны накатывали на песок, слой за слоем укрывая берег. Белоснежные птицы с шумом опустились на крышу лачуги.

Треск!

Громкий звук заставил Линь Ци вздрогнуть. Крыша лачуги окончательно рухнула. Испуганные птицы разлетелись в разные стороны, словно пытаясь доказать свою непричастность к катастрофе.

Линь Ци: «...»

— Ха, — не выдержал Ду Чэнъин.

Он прикрыл рот рукой, пытаясь скрыть смех, и взглянул на растерянного Линь Ци.

— Брат, — негромко произнёс он, — похоже, нам придётся построить новый дом. Вместе.

В душе Линь Ци что-то встрепенулось, будто те самые птицы теперь летали у него в сердце.

— С удовольствием.

<http://bllate.org/book/15815/1427630>